

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 799-811.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.799
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Failed Draft Laws on the "Muslim Issue" in the Steppe Regions and Turkestan Region (late XIX – early XX centuries)

Galya A. Alpyspaeva ^{a, *}, Gulmira Zhuman ^a, Sholpan N. Sayahimova ^a, Lazzat T. Jumaliyeva ^a

^aSaken Seifullin Kazakh Agrotechnical University, Nur-Sultan, Kazakhstan

Abstract

The article considers one of the important aspects of the state-confessional policy of the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries, associated with the solution of the "Muslim question". The autocracy's policy towards Islam is interpreted in the context of analyzing the content of bills and proposals proposed by officials for reorganizing the management of the spiritual life of Muslims in the Steppe regions and Turkestan Territory. The author analyzes the reasons for the aggravation of the "Muslim issue" in the region under the influence of the rise of the all-Russian Muslim movement, the appeal of Muslims with petitions to change the situation in the 60-90s of the XIX century the order of managing their religious life. The development of projects to reform the system of governance of Muslims in the region was conditioned not so much by the desire of the regional administration to satisfy the demands of Muslims, as by the concern about excessive influence on the spiritual life of Muslim-Kazakh Tatars and Central Asian Sarts. The proposed projects, which had the main goal of establishing control over Muslim communities, were primarily aimed at weakening and eliminating this influence. They did not express the whole essence of the confessional policy of the autocracy, but certain provisions contained constructive proposals, the implementation of which would weaken the acuteness of the issue. The conclusion is substantiated that a peculiar civil-military management system in the Steppe regions and the Turkestan Territory, the rivalry between ministries and departments for influence in the regions, bureaucratic procedures for the adoption of bills determined the specifics of the imperial confessional policy towards Muslim-Kazakhs and the failure of projects on the "Muslim issue".

Keywords: state-confessional policy, Islam, Muslim clergy, Russian Empire, draft laws.

1. Введение

В терминологическом аппарате, характеризующем государственно-конфессиональную политику Российской империи, с 1870-х гг. появляется устойчивое выражение «мусульманский вопрос». По мнению исследователей, оно означало не только признание наличия мусульманских подданных в империи и необходимость их интеграции в общероссийское государство, но и «возникновение в мусульманском мире признаков национального и религиозного пробуждения» (Воробьева, 1997: 42). Возможно, поэтому в конце XIX – начале XX вв. на фоне активизации государственно-конфессиональных отношений в империи особое значение придавалось решению «мусульманского вопроса», в обществе проходили дискуссии, а в повестке межведомственных Особых совещаний по вопросам религии неизменно присутствовал «мусульманский вопрос». Чиновники региональной администрации и различных ведомств разрабатывали и предлагали проекты его решения. Однако большая часть их не получила законодательного оформления и практической реализации, а тексты проектов и материалы к ним отправлялись в архивы. Цель статьи – изучить содержание предлагаемых законопроектов по реформированию системы управления духовной жизнью мусульман Степного края и Туркестана в конце XIX – начале XX вв., проанализировать

* Corresponding author

E-mail addresses: galpyspaeva@mail.ru (G.A. Alpyspaeva), guliktim@mail.ru (G. Zhuman)

историческую ситуацию, в условиях которой появились проекты, попытаться ответить на вопрос: почему при остроте «мусульманского вопроса» и повышенном внимании правительства к нему проекты не были приняты и реализованы.

2. Материалы и методы

Источниковая база включает архивные документы, в том числе опубликованные в сборниках: тексты предлагаемых проектов и предположений по «мусульманскому вопросу»; переписку чиновников местной и центральной администрации, министерств и ведомств по вопросам реформирования управления мусульманскими общинами казахов; обращения и ходатайства мусульман Степных областей и Туркестанского края касательно изменения существующего порядка управления их духовной жизнью. Содержательны как источники материалы журнала «Туркестанские епархиальные ведомости» – официального издания Туркестанской и Ташкентской епархии. Журнал издавался с 1906 по 1918 гг. в г. Верном, выходил по два номера ежемесячно. На страницах издания нашли отражение конфессиональная политика самодержавия в регионе в обозначенный период и особенности ее реализации, взгляды православных миссионеров на решение «мусульманского вопроса».

В качестве источников использовались труды дореволюционных русских туркестановедов, которые длительное время проживали в регионе и хорошо изучили его специфику. Многие из авторов работали на административных должностях разного уровня и по долгу своей службы занимались вопросами конфессионального характера. Работы Н.П. Остроумова, В.П. Наливкина, Ю.Д. Южакова, Л.Ф. Костенко, Н.С. Лыкошина, М.А. Терентьева, Г.П. Федорова характеризуются глубокими познаниями проблем региона, в том числе в области государственно-религиозных отношений. Несмотря на субъективность в оценках и административно-чиновничий подход к проблеме, в котором просматривается официальная точка зрения на происходящее, тем не менее в содержательном наполнении труды дают достаточно полную картину.

Работа выполнена с опорой на институциональный подход в исследовании, позволяющий понять роль и место социальных институтов в жизни общества, проследить историю развития государственно-религиозных отношений в конце XIX – начале XX вв. в рамках концепции интеграции национальных окраин в общероссийское имперское пространство, в контексте системы выстраивания взаимоотношений государства с национальными окраинами.

В работе наряду с общенаучными методами исследования применялись специфические методы исторической науки: историко-сравнительный, историко-системный, историко-генетический. Историко-сравнительный и историко-системный методы работы с источниками, материалами и текстами авторов обеспечили возможность глубокого сравнительного анализа содержания предлагаемых проектов по «мусульманскому вопросу», обоснования различных точек зрения представителей колониальной администрации в вопросах религиозной политики. Историко-генетический метод, позволяющий рассматривать исторические события в динамике и выявлять их причинно-следственные связи, применительно к нашему исследованию дает возможность обозначить эволюцию взглядов чиновников на решение «мусульманского вопроса», причины и факторы, обусловившие разработку проектов по реформированию управления духовной жизнью мусульман края, обосновать причины их несостоятельности. Использование широкого круга историографических источников обусловило применение методов выявления и описания дискурсивных практик современных авторов, в которых фиксировались оценочные суждения и выводы исследователей по проблемам государственной политики в отношении мусульманских общин Степного края и Туркестана.

3. Обсуждение

Тематика государственно-конфессиональной политики в Российской империи конца XIX – начала XX вв. в контексте решения «мусульманского вопроса» интересна и многоаспектна с точки зрения научного изучения. Конфессиональная политика была важной составляющей общеимперской стратегии управления национальными окраинами. Именно поэтому историографический опыт проблемы включает широкий круг исследований, посвященных изучению «мусульманского вопроса» как в Российской империи в целом, так и в отдельных регионах, в том числе в Туркестане и Степном крае.

Ретроспективный анализ государственно-конфессиональной политики империи в XIX – начале XX вв. представлен в работах Д.Ю. Арапова. Политика в отношении мусульман показана во всех ее проявлениях: от признания ислама до установления контроля над ним (Арапов, 2011: 68-86). Автор рассматривает историю возникновения и трансформации муфтиатов как основного инструмента государственного управления духовной и правовой жизнью мусульман в позднецарской России. Вкладом ученого в изучение проблемы является издание сборника документов, включающего наиболее значимые законодательные акты об исламе с середины XVII в. до 1917 г. Предложенная автором систематизация видов и типов источников по истории ислама отражает основные направления мусульманской политики и полезна для исследователей (Арапов, 2001: 366).

Е.И. Воробьева анализирует характер взаимоотношений власти и мусульманского духовенства в исторической динамике со второй половины XIX в. до 1917 г., акцентируя внимание на

предпочтениях правящей администрации ограничиваться полумерами, опасаясь проявлений «возможного мусульманского фанатизма» (Воробьева, 1997: 55). Этим автор объясняет различия в системах управления духовными делами мусульман европейской части империи (Оренбургское собрание, Таврическое правление и Закавказские правления) и в присоединенных позже территориях, Туркестане и Средней Азии (Воробьева, 1997: 40-55).

Правовые аспекты взаимоотношений государства и ислама в позднеимперской России представлены в работах А.А. Сафонова. Вывод о том, что «ислам существовал в Российской империи XIX в. в четко очерченных законодательных рамках, гораздо более жестких, чем те, что были установлены для неправославных христианских вероучений» основывается на анализе законодательной базы (Сафонов, 2017: 82). О. Сенюткина и Ю. Гусева изучают исламский дискурс в Российской империи в начале XX в. по материалам Особых совещаний, интерпретируя их как инструмент решения «исламского вопроса» (Сенюткина, Гусева, 2018: 231-254). Основной причиной неспособности империи решить «мусульманский вопрос» в условиях его обострения в начале XX в. Е. Кэмпбелл считает несовместимость ислама с ценностями православного государства (Campbell, 2015: 217).

В отдельную группу следует выделить работы, в которых исследуются вопросы исламской политики самодержавия непосредственно в Туркестане. Этой проблеме посвящены разделы в коллективных монографиях российских, узбекских и казахстанских авторов, в которых в контексте анализа общих вопросов колониальной политики в регионе рассматриваются и вопросы по мусульманству (Абашин и др., 2016: 800; Центральная Азия..., 2008: 464). Безусловным достоинством работы авторского коллектива в составе С.Н. Абашина, Б.М. Бабаджанова, О.А. Махмудова и Т.В. Котюковой является богатая источниковая база. Раздел, посвященный исламским институтам в Туркестане, Б.А. Алимджанов характеризует как «прорыв туркестаники постсоветского периода» (Алимджанов, 2018: 250-254).

Роль и значение религиозной политики самодержавия в процессах интеграции Туркестанского края в политико-правовое пространство империи обосновывает Ю.А. Лысенко (Лысенко, 2012: 194-198; Лысенко, Лысенко, 2016: 109-116). По убеждению автора, власти учитывали сильное влияние исламского фактора на общественно-политическую жизнь населения края, а потому главным содержанием религиозной политики стал отказ от активного вмешательства в его духовную жизнь, лояльность и веротерпимость, некоторая финансовая поддержка при завуалированном поэтапном демонтаже исламских институтов и структур. Особенности религиозной политики самодержавия в Южном Казахстане в XIX – начале XX вв. рассматриваются З. Садвакасовой (Садвакасова, 2002: 85-92). Анализ состояния «мусульманского вопроса» в русском Туркестане дается Т.В. Котюковой. По мнению автора, большую роль в мусульманской политике самодержавия играл татарский фактор, «восприятие татарами Степного края и Туркестана как территорий своего повышенного интереса, в которых они ощущали определенное превосходство в силу более развитых социально-экономических и религиозных отношений и институтов» (Котюкова, 2010: 112). Мусульманская политика в регионе трактуется как «конкуренция двух имперских проектов: русского и татарского». Противоречивая оценка исламской политики самодержавия в Туркестане дается Д.Х. Зияевой. В трактовке автора в официальных кругах империи вопрос этот страстно обсуждался, разрабатывались правительственные указы по ограничению ислама, большинство из которых было осуществлено. Но меры по устранению влияния ислама в общественно-политической и духовной жизни местного населения не увенчались успехом (Зияева, 2010: 10-15).

В работах Д.В. Васильева анализируется деятельность высших чинов администрации в отношении мусульман Степного края и Туркестана, подчеркиваются и объясняются различия в управлении (Васильев, 2015: 117-126). В менее исламизированном Степном крае применялась модель государственно-конфессионального взаимодействия по образцу внутренней России; исламское духовенство, включенное в государственную структуру, использовалось как внутривластный инструмент. В Туркестанском крае, населенном «нафанатизированными» туземцами, правительство избрало тактику «игнорирования», исключив мусульманское духовенство из сферы внутренней и внешней политики. В интерпретации С.В. Горбуновой Туркестанская администрация подчеркнуто не вмешивалась в управление мусульманами, а суть политики «игнорирования» ислама состояла в том, что «российская администрация постепенно отказывалась от активной и открытой поддержки мусульманского духовенства, предоставив ему «пробиваться самостоятельно» (Горбунова, 2011: 35-41). Р. Крюза проблемы имперской исламской политики в Туркестане объясняет нежеланием правительства создать в крае муфтиат по примеру Уфимского, который бы препятствовал проникновению радикального ислама (Crevs, 2006: 480).

Еще одну группу составляют исследования, в которых рассматриваются отдельные аспекты исламской политики самодержавия. Ш.Б. Мухамедов анализирует тактику и стратегию политики Туркестанской администрации под углом зрения решения вакуфного вопроса в регионе в 1887–1917 гг., обосновывает причины его фиаско (Мухамедов, 2015: 266-298). Проблемам научного изучения практики паломничества мусульман Туркестана в 1865–1917 гг. и отношения власти к обрядовой стороне ислама посвящены работы В.П. Литвинова (Литвинов, 2014: 88-93). Автор

считает, что «государственное регулирование выразилось лишь в официальном признании «святых мест» и малоэффективном контроле за ишанами, матдахами, проводившими у мазаров антироссийскую пропаганду по заданию турецких и других спецслужб». А.С. Эркинов рассматривает религиозную политику самодержавия в Туркестане через призму истории применения хутбы за русского царя для чтения в мусульманских мечетях и русско-туземных школах, анализирует отношение к ней мусульман и позицию властей в этом вопросе (Эркинов, 2013: 123-133).

Научный дискурс решения «мусульманского вопроса» в Туркестане и Степных областях не исчерпывается кратким обзором исследований, но дает возможность обозначить наиболее актуальные и малоизученные аспекты проблемы.

4. Результаты

В конце XIX – начале XX вв. в Российской империи остро стоял вопрос государственной политики в отношении мусульман Степных областей и Туркестанского края, чему в немалой степени способствовал ряд факторов. Во-первых, с присоединением земель Старшего жуза, а затем и среднеазиатских ханств в 1860-х гг. резко возросла численность мусульман. По переписи 1897 г. в империи в общей сложности проживало 13889421 человек, исповедовавших ислам, что составляло 11,06 % к общему населению страны. В Средней Азии и в Казахстане проживало 6988640 мусульман (Арапов, 2001: 324-325). По данным Л. Тихомирова, в начале XX в. «население Киргизских степей и Средней Азии на 90,2 % состояло из магометан» (Тихомиров, 1902: 17). Во-вторых, события Андижанского восстания 1898 г. подталкивали правительство и местную администрацию к пересмотру религиозной политики в регионе. Они показали, что нельзя и дальше игнорировать «мусульманский вопрос». В-третьих, остроту «мусульманского вопроса» исследователи связывают с общемировым подъемом исламского движения, распространением идей панисламизма и пантюркизма в мусульманских странах (Сафонов, 2017: 85).

Конфессиональная политика государства в Степном крае, включавшем земли Среднего и частично Младшего жузов, законодательно оформляется во второй половине XIX века. Первым законопроектом, обозначившим позицию государства в отношении мусульман края, было «Временное Положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» от 21 октября 1868 г., содержащее раздел «Об управлении духовными делами киргизов». По Положению казахи-кочевники были выведены из ведения Уфимского муфтиата с целью ослабить влияние татарских мулл-проповедников на их религиозную жизнь. Вместо института «указных» мулл вводилась выборность последних населением из расчета «один мулла на одну волость». Муллы находились в подчинении гражданского управления, а вводимый порядок утверждения их в должности губернатором области оставлял возможность отклонить «неблагонадежную» кандидатуру. Положение запрещало вакуфное землевладение, но муллы не освобождались от налогов и податей. Обязательства по материальному содержанию духовенства, в том числе по уплате податей за избранного муллу, возлагались на мусульман общины. Ужесточались требования к строительству мечетей: для их постройки требовалось разрешение генерал-губернатора. С принятием 25 марта 1891 г. «Положения об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями» существенных изменений в религиозной политике не произошло; формально упрощался порядок утверждения мулл.

В 1860-х гг. земли Старшего жуза вошли в состав Российской империи, была образована Туркестанская область. Первый начальник области М.Г. Черняев, как поборник либерального отношения к исламу, подвергался критике и вскоре был разжалован. Его приемник Д.И. Романовский предпринял неудачную попытку ослабить авторитет мусульманского духовенства посредством введения в крае выборных судебных органов. С 1867 г. территория современного Южного Казахстана находилась в составе Туркестанского края, созданного после присоединения к Российской империи среднеазиатских ханств. Первый генерал-губернатор края К.П. Кауфман (1867–1882 гг.), чиновник высокообразованный и опытный в делах государства, религиозную политику в крае проводил по принципу игнорирования ислама и невмешательства в духовную жизнь населения. «Мусульманство как догмат ничтожно и не представляет ничего опасного нашим целям», – заверял он (Проект всеподданнейшего отчета, 1885: 177). По мнению ученых, такая политика была выгодна мусульманскому духовенству, давала определенную свободу действий и независимость от администрации (Литвинов, 1998).

Безусловно, говорить о полном игнорировании официальной властью ислама в Туркестане нельзя, так как отдельные стороны религиозной жизни мусульман регламентировались «Степным Положением» 1891 г.: вводился порядок утверждения мулл администрацией, количество мулл в волостях и уездах Семиреченской области строго регламентировалось. В целом же, по мнению Д.Ю. Арапова, «на рубеже XIX–XX вв. империя Романовых вступила в эпоху «сумерек монархии»..., в это время позиции ислама, особенно на окраинах, были затронуты, пожалуй, менее всего...» (Арапов, 2011: 75). Эта точка зрения подтверждается характеристикой религиозного состояния края, представленной Ю.Д. Южаковым в докладе по случаю 27-летнего управления Туркестаном: «Свою религию они исповедуют, как желают, совершенно свободно, без всяких стеснений, так что имеют

полное основание думать и действительно в том убеждены, что первенствующая господствующая в крае религия не христианская, а мусульманская» (Южиков, 1891: 77).

Таким образом, можно резюмировать, что в конце XIX – начале XX вв. специального органа по управлению мусульманами Степных областей и Туркестанского края не было, а все вопросы жизни мусульман решала местная администрация под ведомством Военного министерства. Мусульманское духовенство имело статус служителей веры и, соответственно, исключалось из системы государственного управления. В судебной практике предпочтение отдавалось адату. Этим отличалось управление мусульманами-казахами от управления мусульманами Европейской России и Сибири, управлявшимися Оренбургским и Таврическим муфтиятами под ведомством МВД. На политику империи в отношении мусульман Степных областей и Туркестана влияло утвердившееся в кругу чиновников, да и в обществе в целом, мнение о слабой религиозности казахов. Священники Туркестанской епархии в г. Верном в своих наблюдениях за жизнью казахов отмечали: «Из всех мусульманских народностей, подвластных России, самыми плохими исламистами следует признать наших киргиз. Им совершенно неизвестно о происхождении исламизма, сущность его учения, его коренные, характерные предписания, исторические судьбы и видоизменения...» (Туркестанские..., 1907: 5).

Религиозная политика государства в полной мере не удовлетворяла население, о чем свидетельствуют неоднократные обращения и ходатайства мусульман Степных областей с просьбой изменить существующий порядок управления их духовной жизнью. В 1888 г. представители от мусульман Уральской, Тургайской и Оренбургской областей подали министру внутренних дел Д.А. Толстому прошение о назначении для них особого собрания и муфтия. Мусульмане были недовольны статьями Положения 1868 г. об упразднении указных мулл и запрете применять в судопроизводстве нормы шариата. После консультаций с военными губернаторами названных областей прошение было отклонено, поскольку чиновники усмотрели в нем угрозу роста влияния мусульманского духовенства на массы и попытки противодействовать порядкам гражданского управления (Арапов, 2002: 302). В июле 1891 г. казахи Уральской области обратились к императору Николаю II с ходатайством о передаче их в ведомство Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), выражая желание иметь муфтия. Ходатайство было передано в МВД, но оставлено без ответа. В 1899 г. с подобным ходатайством в МВД обращались мусульмане г. Кустаная Тургайской области (Арапов, 2002: 304).

Первые попытки изменить политику в отношении ислама предпринял генерал-губернатор Туркестанского края М.Г. Черняев (1882–1884 гг.), создав в 1884 г. Особую комиссию для управления духовными делами мусульман. Работа комиссии не одобрялась центральной властью, так как в ее составе преобладали мусульманские деятели, которые, по мнению центра, «руководствовались в своей деятельности не общегосударственными интересами, а шариатом...» (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1267. Л. 14–2006.). В корне изменить систему управления мусульманами предпринял туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской (1898–1901 гг.) после Андижанского восстания 1898 г., причинами которого он считал игнорирование ислама и отсутствие надзора за религиозной жизнью мусульман. Восстание было подавлено, а страхи повторения событий остались. «Приходится сознаться, что, несмотря на кажущуюся их (туземцев – Авт.) полную покорность, позы среди мусульман к восстаниям, подобным андижанскому, возможны и в будущем», – писал генерал (Духовской, 1899: 3). В августе 1898 г. в обращении к военному министру Духовской изложил свою точку зрения и предложил создать Туркестанское духовное правление по закавказскому образцу, но без муфтия, а «с председателем или цензором из русских, знакомых с шариатом...» (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1267. Л. 18). Обращение не было поддержано ДИИ МВД, чиновники которого считали, что создание высшего духовного органа будет способствовать объединению мусульман и упрочению позиций ислама. По их мнению, достаточно было ограничиться установлением трех правил (о муллах; о мечетях и школах; о вакуфах), чтобы в пределах Туркестанского края ослабить и ограничить вредные последствия политики игнорирования ислама как политической силы. Такой позиции придерживались и в Военном министерстве (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1267. Л. 16).

Распоряжением С.М. Духовского была создана специальная комиссия, а результатом трехлетней (1898–1901 гг.) ее работы стал проект документа «Положение об управлении духовными делами мусульман Туркестанского края». Проект включал 22 статьи по трем позициям правительства: 1) об управлении духовными делами мусульман; 2) об управлении мусульманскими учебными заведениями; 3) об управлении вакуфами. Первое положение содержало статьи о числе, порядке избрания, утверждения и устранения мулл. Второе – предполагало надзор за мусульманскими школами ограничить мерами административного характера и сосредоточить в руках начальников областей и уездов. Касательно вопроса управления вакуфами комиссия посчитала правильным не вмешиваться в вакуфные дела мусульман, поскольку сочла мероприятие невыгодным с точки зрения интересов империи. Проект содержал не только текст предполагаемого будущего закона, но и обоснование каждого пункта. К примеру, ограничения по строительству в регионе больших приходских мечетей – джума-мечетей – авторы обосновывали тем, что для казахов строительство их не имело принципиального значения. «Безразличное в делах религии киргизское население в большинстве случаев приступает к сооружению мечетей под влиянием

фанатизированных выходцев из района сартовской оседлости и татар» (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1267. Л. 9).

Комиссия приняла во внимание особое мнение генерал-губернатора о передаче под контроль администрации всех туземных мусульманских школ и духовных учреждений, а также права разбора семейно-брачных дел. В ходе согласования Военным министерством были внесены дополнения и поправки, по существу не менявшие характер и содержание проекта, но ограничивавшие влияние мусульманского духовенства. В частности, предлагалось исключить статью, разрешающую приходским имамам вести метрификацию населения. Чтобы оградить мусульман-казахов от влияния татарских и среднеазиатских мулл, предлагалось запретить лицам некиргизского происхождения исполнять обязанности мулл, учителей и мутавалиев. Несмотря на детальное обсуждение и внесенные поправки, проект остался на бумаге.

В начале XX в. мусульманское движение в стране активизировалось. Современники подъем движения объясняли «историческим процессом, постепенно стянувшим большинство тюркских народов под русскую власть; подъемом общерусского освободительного движения и пробуждением ислама по всему миру» (Алисов, 1909: 60). Ширилось мусульманское модернистское движение – джадидизм, характеризуемое новациями в сфере мусульманского образования. Возможно, поэтому мусульманский вопрос стал объектом внимания правительства и местной администрации. Рассмотрению различных аспектов «мусульманского вопроса» были посвящены пять Особых совещаний с 1905 по 1914 гг. (Сенюткина, Гусева, 2018: 233-234).

Указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г., имевший целью преодолеть правовое неравенство конфессий в империи, еще ярче обозначил актуальность «мусульманского вопроса». Указ расширил права инославных конфессий и определил отношение государства к инославным и иноверным исповеданиям. Вводилась ограниченная свобода вероисповеданий: свобода выбора религии и отправления религиозных обрядов, юридически закрепилось право личности на переход из православия в одну из нехристианских вер. Последнее положение беспокоило миссионеров; после выхода Указа активизировалось мусульманское миссионерское движение. В статье «К предстоящему противомогометанскому съезду в городе Казани» анонимный автор писал: «После издания манифеста о свободе совести мусульманская пропаганда усилилась во внутренней России, а в Туркестанском крае она приняла форму панисламской пропаганды и имеет определенную организацию... Татары не только стремятся подчинить собственному влиянию, но и пользуются случаями для совращения коренных русских в ислам» (Туркестанские..., 1909: 256). Автор приводит факты о переходе русских в ислам. В докладе Епархиальному съезду священник Туркестанской епархии Антонов П. отмечал, что «со времени Высочайшего указа о свободе совести в городе Верном и его окрестностях было несколько попыток к совращению в мусульманство» (Туркестанские..., 1910: 17). Свои выводы он сделал на основе всестороннего изучения имевших место случаев.

Свидетельством активности мусульман являются обращения мусульман к высшим правительственным чинам касательно решения своих духовно-религиозных нужд. С ходатайством о передаче их в ведение ОМДС обратились в 1903 г. мусульмане Петропавловского уезда Акмолинской области. Через волостных управителей они выдвинули ряд требований: восстановить права волостных мулл на ведение метрических записей и разрешить им проводить религиозные обряды при рождении, бракосочетании и смерти человека; разрешить строительство мечети в каждом ауле; казахские мусульманские общины передать в ведение ОМДС, а Оренбургскому муфтию дать право назначать мулл. Генерал-губернатор Степного края Н.Н. Сухотин усмотрел в действиях мусульман проявление усиливающегося татарского влияния и в очередной раз ходатайствовал о выведении татар Степного края из ведомства ОМДС и подчинении их областной администрации (Арапов, 2001: 309). Представители казахов Тургайской области в 1905 г. обратились в Особое Совещание по делам веры под председательством А.П. Игнатьева с ходатайством об учреждении отдельного Киргиз-Кайсацкого мусульманского управления со своим муфтием из числа казахов (Арапов, 2001: 310).

Подобные обращения поступали и от мусульман Туркестанского края. Как известно, еще при К.П. Кауфмане мусульмане края были выведены из подчинения Уфимскому муфтиату, а потому вопрос об учреждении в крае отдельного муфтиата оставался открытым. На создании своего организационно-управленческого центра настаивали мусульмане. Весной 1906 г. собрание мусульман Семиречья в г. Верном приняло постановление об открытии в Туркестанском крае МДС с такими же правами, какие имели ранее созданные. Мусульмане Семиречья настаивали на выборности духовных лиц верующими и утверждении их Духовным собранием, а не администрацией. Резолюция была представлена председателю Совета министров, а позже и в МВД для рассмотрения на Особом совещании по делам веры 1914 г. (Арапов, 2001: 312).

Предложения об образовании для мусульман Туркестана особого правления высказывали чиновники разного уровня. Смысл в этом был, поскольку в крае проживало свыше пяти миллионов мусульман (Туркестанские..., 1909: 3). Вопрос обсуждался на Особом совещании по делам веры под председательством графа А.П. Игнатьева. В пользу его решения в 1905 г. выступил Комитет министров. Вышедший 17 апреля 1905 г. Закон «Об укреплении начал веротерпимости» предполагал учреждение муфтиата в Туркестане. На III Всероссийском мусульманском съезде в Нижнем-

Новгороде в 1906 г. обсуждался проект реорганизации управления духовными делами мусульман России, в котором содержались пункты об учреждении для Туркестана и Семиреченской области особого Духовного собрания с муфтием во главе (Арапов, 2001: 324). Но сопротивление краевой администрации при поддержке Военного министерства не позволило создать управление мусульман края. Против самостоятельного духовного правления выступали Туркестанские генерал-губернаторы Н.Н. Тевяшев (1903–1905 гг.) и А.В. Самсонов (1909–1914 гг.). Более того, они были категорически против присоединения края к Оренбургскому муфтиату, оставаясь приверженцами принципов невмешательства в религиозную жизнь туземцев.

В контексте вышесказанного не случайным было появление проекта действительного тайного советника, члена Государственного совета В.П. Череванского, представленного участникам Особого совещания по делам веры в 1905–1906 гг. в виде записки «Об утверждении окружного духовного управления для киргизов». Принимая во внимание ходатайства казахов о неудовлетворенности статьями Степного Положения, чиновник предлагал открыть отдельное Киргиз-Кайсацкое окружное управление по делам веры в городах Акмолинске, Атбасаре, Иргизе и назвать его Степным, в ведении которого находилось бы все казахское население, за исключением мусульман Закаспийской области и Туркестанского края. Проект предполагал подчинение Правлению мусульман всех народностей, в том числе татар. Чиновник был уверен, что «...нельзя длить бесконечно неясное и ненормальное положение вероучительства в столь значительной части населения нашей страны» (Арапов, 2001). Идея Череванского состояла в том, чтобы кардинально реформировать систему управления мусульманами империи путем расформирования округа ОМДС и создания окружных духовных управлений по территориальному принципу: Петербургское, Крымское, Кавказское, Сибирское, Оренбургское, Башкирское, Степное. Такая система, по мнению чиновника, была бы выгодна и удобна с точки зрения управления и контроля за мусульманским духовенством. На проект поступили замечания от члена Особого совещания А.С. Будиловича, настаивавшего на учете не только географических, но и родоплеменных факторов. Он предложил учредить для казахов несколько духовных управлений в соответствии с их делением по ордам: Букеевской, Малой, Средней. Но судьба проекта В.П. Череванского была такой же, как и предыдущих. Вопрос оставался открытым, а мусульмане продолжали обращаться. В мае 1913 г. представители казахов Уральской области обратились в Канцелярию императора с ходатайством о создании духовного управления для мусульман Степных областей.

Практически все проекты содержали статьи, ограничивающие влияние татар на мусульман Степных областей и Туркестана. Озабоченность правительства чрезмерным татарским влиянием можно считать важным фактором попыток решения «мусульманского вопроса». По мнению Т.В. Котюковой, «татаризация» и «исламизация» во второй половине XIX в. «рассматривались в прямой взаимосвязи» (Котюкова, 2019: 84). Проблема эта стала проявлять себя еще раньше. Оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский, продвигая в 1867 г. проект реформирования ОМДС, предлагал включить в него пункт, воспрещающий башкирским и татарским муллам обучать казахов (Воробьева, 1997: 41). Пребывая в полной уверенности, что духовенство влияло на мусульман, истолковывая любые правительственные начинания в крае как обращение мусульман в «русскую веру» и препятствуя, таким образом, интеграции последних в структуру Российского государства, чиновник настаивал на жестком контроле и подчинении «магометанского духовенства» местной власти.

Н.А. Крыжановский несколько не преувеличивал. Влияние татар на духовную жизнь казахов было значительным и продолжало иметь место и в последующие годы, этот факт отмечают многие авторы. В конце XIX в. С.М. Духовской писал: «Будучи сравнительно плохими мусульманами в эпоху покорения Казани Грозным, уже при Императрице Екатерине II казанские татары выделяют из своей среды нафанатизированных книжников, которые, пользуясь рядом ошибок, сделанных тогдашними нашими правительственными органами, вместе с проповедью ислама несут в Киргизскую степь и проповедь враждебных отношений к России» (Духовской, 1899: 7). Русский этнограф В.П. Наливкин, описывая этнический состав населения Средней Азии и Казахских степей, заметил: «...Татары, как местные, так и постепенно наезжавшие из России, были в значительной мере хозяевами киргизской степи, ибо они не только держали в своих руках значительную часть местной торговли с кочевниками, но долгое время были даже и главнейшими насадителями ислама и мусульманского книжничества среди киргиз, до того времени отличавшихся весьма индифферентными отношениями к религии» (Наливкин, 1913: 11). Правительство на законодательном уровне пыталось ограничивать переселение татар в регион, их экономическую деятельность в Туркестане, однако татарская диаспора в крае увеличивалась, а ее экономическое влияние только усиливалось (Котюкова, 2019: 84).

Не меньшим было влияние среднеазиатских мусульман. «Энергия проповеди ислама среди кочевников ишанами из Бухары, Самарканда, Коканда и Ташкента усилилась со времени умиротворения нами Средней Азии», – писал генерал-губернатор Н.И. Гродеков в предисловии к труду «Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области» (Гродеков, 1889: 4). А.К. Гейнс, хорошо знавший Туркестанский край, отмечал: «...Совершенно же утвердили в магометанстве киргиз поселившиеся среди них толпы магометан их соседних среднеазиатских ханств Хивы, Бухары и Коканда, постоянно стремящихся поддерживать среди киргиз всеми способами магометанство,

а вместе с тем и собственное влияние в видах торговых и политических» (Гейнс, 1897: 76). О влиянии среднеазиатских мусульман сообщали православные миссионеры: «Киргизы просвещены сартами, они не принимали сначала шариата, были только номинальными мусульманами» (Туркестанские..., 1913: 392). Между тем укреплению ислама в Казахской степи способствовала политика центра. Климович Л. вполне обоснованно считал, что увеличение числа мусульманских религиозных организаций, «окончательное оформление и укрепление ислама относится ко времени русской колонизации» (Климович, 1936: 40). Анализ содержания проектов свидетельствует о том, что правительством не ставилась задача христианизации казахов. Это мероприятие считалось малоэффективным и дорогостоящим, а конфессиональный курс властей в регионе был прагматичным. Он основывался на убеждении, что «ислам, являющийся, подобно христианству, религией монотеистической, может стать эффективным средством преодоления родоплеменной розни и объединения кочевников в интересах единой российской государственности, формирования из них действительно верноподданных русскому царю» (Центральная Азия..., 2008: 236). Именно поэтому, по мнению Л. Климовича, самодержавие не только не боялось допустить пропаганду ислама, но и способствовало ей (Климович, 1936: 39). Однако нельзя исключать христианизацию, проводимую в начале XX в. противомусульманской миссией при Туркестанской епархии (Туркестанские..., 1917: 198). В обществе активно велись дискуссии о христианизации, методах ее проведения (Alpyspaeva и др., 2019: 655-667).

Одна из причин несостоятельности проектов решения «исламского вопроса» заключалась в том, что в среде чиновников не было единства взглядов в вопросах взаимоотношения с мусульманским населением и духовенством. Более того, нередко даже в рамках одной управленческой структуры мнения расходились, о чем свидетельствуют совершенно разные подходы генерал-губернаторов к решению «мусульманского вопроса». Неопределенность политики в отношении ислама в данных регионах, противодействие созданию организационного центра мусульман – муфтиата – объясняются опасениями администрации консолидации антирусских сил. В кругу официальных лиц и администрации имели место убеждения, что предоставляемая туземному населению свобода вероисповедания может быть использована мусульманским духовенством в политических целях и служить «источником противодействия установленному порядку» (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1267. Л. 2-7).

Отсутствие единообразной политики государства в отношении ислама в определенной мере объясняется соперничеством властных структур, министерств и ведомств за право управления Степным и Туркестанским краями. П.П. Литвинов по этому поводу писал: «МВД пыталось активно использовать конфессиональный фактор в противоборстве с военным министерством за право управления Русским Туркестаном» (Литвинов, 2007: 183). Соперничество наблюдалось по всем аспектам исламской политики (в организации системы управления и надзора; в постановке и решении проблем мусульманского образования; в решении вопроса о вакуфном землевладении; в установлении правил совершения хаджа) и сказывалось на обсуждении и принятии законов. В практике принятия официального документа обязательной была процедура его согласования разными министерствами: МВД, Военного министерства, Министерства иностранных дел, Министерства просвещения и генерал-губернатора. В процессе обсуждения и согласования вносились поправки и дополнения как по существу, так и редакционного характера, в некоторых случаях отдельные статьи отклонялись. И тогда документ снова отправлялся на согласование. Процесс нередко затягивался на годы и в конечном счете ничего не решалось.

Неопределенность официальной политики в отношении мусульман не одобрялась обществом, отношение к ней было скептическим. «У нас, однако же, смешивали иногда веротерпимость с покровительством, а между тем это две вещи разные», – утверждал востоковед и историк М.А. Терентьев (Терентьев, 1875: 346). Известный своими радикальными взглядами и оценками этнограф М.А. Миропиев отмечал, что при управлении среднеазиатскими владениями власти не должны обольщаться внешним спокойствием туземцев, а должны зорко следить за всеми проявлениями религиозной жизни населения, которое «веками и даже тысячелетиями воспиталось в разных смутах, междоусобиях и изменах» (Миропиев, 1901: 391).

Проблемы в управлении мусульманами-кочевниками нередко возникали по вине разработчиков Положений. В этом смысле показателен проект генерал-губернатора Степного края М.А. Таубе об изъятии татарского населения Степных областей из ведения ОМДС и распространение на них действия ст. 98 Положения 25 марта 1891 г. Появился он не случайно; с изданием Степного Положения 1891 г. возникла неясность, на какие этнические группы распространяются статьи Положения, так как в документе термин «киргизы» был заменен термином «инородцы», под которым подразумевались киргизы, дунгане, таранчи. Выходило так, что статьи Положения не распространялись на татар, проживающих в регионе. Это стало основанием для вмешательства ОМДС в духовные дела населения края, что вызывало раздражение и неудовольствие местной администрации. В 1888 г. Степной генерал-губернатор Г.А. Колпаковский в ответ на ходатайства мусульман г. Кустаная при активной поддержке ОМДС разрешить строительство мечети обращался в МВД для решения конфликта. МВД поддержало Колпаковского, ссылаясь на статьи Положения

1868 г. о неподведомственности края ОМДС. В 1900 г. М.А. Таубе вновь поднял вопрос об изъятии из ведения ОМДС всех местных мусульман, не исключая татар, и о распространении в законодательном порядке действия ст. 98 Степного Положения 1891 г. на татар Степных областей. Но вопрос остался открытым, так как предполагалось пересмотреть действующее Положение.

Причины подобных коллизий современники усматривали в том, что чиновники недостаточно хорошо знали и понимали специфику духовной жизни мусульман, не владели местными языками. С.М. Духовской писал: «Замечено мною, что многие из лиц, служащие как в войсках, так равно по административно-полицейскому и другим отделам гражданского управления Туркестанского края, недостаточно знакомы с самыми существенными чертами ислама и обуславливаемой им организацией религиозного быта мусульманского населения» (ЦГА РУ. Ф. И–1. Оп. 11. Д. 1724. Л. 2). Примеров непонимания чиновниками особенностей религиозной жизни населения немало. При разработке сотрудниками МВД в 1901 г. проекта общеимперских Правил о паломничестве мусульман в нем первоначально был пункт, жестко регулирующий маршрут следования паломников исключительно морским путем через Феодосию, Севастополь и Батуми. Для мусульман Средней Азии и Южного Казахстана, совершавших хадж пешими путями, это установление было категорично неприемлемо. Лишь после критики генерал-губернатора Туркестана Н.А. Иванова пункт был исключен (Литвинов, 2014: 91-92). Вопрос о необходимости изучения местных языков поднимался как администрацией, так и миссионерами. В 1908 г. в издании «Туркестанские епархиальные ведомости» вышла небольшая, но достойная серьезного внимания заметка Н.П. Остроумова «Еще на тему о необходимости изучения туземных языков чиновниками в Средней Азии», в которой автор обосновывал серьезность проблемы. Его точку зрения разделял М. Колобов, один из редакторов журнала (Туркестанские..., 1908: 659). Но всякий раз подобные призывы заканчивались безрезультатно.

5. Заключение

Актуальность и острота «мусульманского вопроса» в Степных областях и Туркестанском крае в конце XIX – начале XX вв. объясняются ростом общероссийского мусульманского движения, влиянием на мусульман поволжских татар и среднеазиатских сартов. Именно поэтому разработка проектов по реформированию управления мусульманами обусловлена была не столько желанием администрации края удовлетворить требования мусульманских общин, обращавшихся с ходатайствами об изменении существующего порядка управления их духовной жизнью, сколько озабоченностью чрезмерным влиянием на казахов татар и сартов.

Единообразной, унифицированной имперской политики в отношении ислама и мусульманского духовенства на территории современного Казахстана не было, чему способствовала разобщенность территории в рамках разных административных образований; большая часть современного Казахстана входила в Степное генерал-губернаторство, а южные области пребывали в составе Туркестанского края. С другой стороны, отсутствие единства во взглядах чиновников, в чьи функции входили задачи выработки и реализации политики на окраинах империи, в том числе в области конфессиональных отношений, а также соперничество между министерствами и ведомствами за влияние в регионе, бюрократические процедуры принятия законопроектов можно считать причинами несостоятельности проектов. Предлагаемые проекты решения «мусульманского вопроса» направлены были на установление контроля над мусульманскими общинами. Они не выражали всей сущности религиозной политики самодержавия, но отдельные положения содержали конструктивные предложения, которые в случае их реализации могли быть полезны как административной власти, так и мусульманскому сообществу, если принять во внимание мусульманский фактор в восстаниях 1916 г. в Степных областях и Туркестане.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки МОН РК, проект «Государственно-конфессиональные отношения в Казахстане: начало XX в. – конец 1930-х гг.». ИРН проекта: АР08855487.

Литература

- Абашин, 2016 – Абашин С.Н. Туркестан в имперской политике России: Монография в документах. М.: Кучково поле, 2016. 800 с.
- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
- Алимджанов, 2018 – Алимджанов Б.А. Рецензия на работу «Туркестан в имперской политике России: Монография в документах» / Отв. ред. Т.В. Котюкова. М.: Кучково Поле, 2016 // *Новое прошлое*. 2018. № 4. С. 250-254.
- Алисов, 1909 – Алисов Г. Мусульманский вопрос в России // *Русская мысль*. 1909. № 7. С. 29-61.
- Арапов, 2011 – Арапов Д.Ю. Государственное регулирование ислама // *PaxIslamica, Мир ислама*. № 2 (7), 2011. С. 68-86.
- Арапов, 2001 – Арапов Д.Ю. *Мир ислама*. М., 2001. 366 с.

- Арапов, 2001** – Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи (Законодательные акты, описание, статистика). М.: Академкнига, 2001. 261 с.
- Васильев, 2015** – Васильев Д.В. Мусульманская политика Российской империи в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2015. Vol. 4. Is. 2. С. 117-126.
- Воробьева, 1997** – Воробьева Е.И. Власть и мусульманское духовенство в Российской империи (втор. пол. XIX в. – 1917 г.) // *Исторический ежегодник*. 1997. С. 40-55.
- Гейнс, 1897** – Гейнс А.К. Собрание литературных трудов А.К. Гейнса. Т. 1. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1897. 597 с.
- Горбунова, 2011** – Горбунова С.В. Государственная регламентация религиозной жизни казахов в Российской империи // *Вестник Нижневартковского государственного университета*. 2008. № 1. С. 35-41.
- Гродеков, 1889** – Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Ташкент: Типо-Литография С.И. Лахтина, 1889. 298 с.
- Духовской, 1889** – Духовской С.М. Ислам в Туркестане. Всеподданнейший Доклад Туркестанского генерал-губернатора Генерала от Инфантерии Духовского. Ташкент, 1899. 20 с.
- Зияева, 2010** – Зияева Д.Х. Ислам в Туркестане: традиции и трансформации в условиях колониализма // *Вестник КазНПУ*. 2010. № 3. С. 10-15.
- Климович, 1936** – Климович Л. Ислам в царской России. Очерки. М.: Государственное антирелигиозное издательство, 1936. 225 с.
- Котюкова, 2010** – Котюкова Т.В. «Мусульманский вопрос» в Туркестане в начале XX в. // *Вопросы истории*. 2010. № 9. С. 97-112.
- Котюкова, 2019** – Котюкова Т.В. Политика «двойного игнорирования» в имперском дискурсе России в отношении кочевого населения Туркестана в конце XIX в. (Специфика «мусульманского вопроса» и «православного ответа») / *Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.* М.: Онто Принт, 2019. 328 с.
- Литвинов, 2014** – Литвинов В.П. Власть и паломничество мусульман в Русском Туркестане // *Власть*. 2014. № 6. С. 88-93.
- Литвинов, 1998** – Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане (1865–1917): по архивным материалам. Елец: ЕГПИ, 1998. 319 с.
- Литвинов, 2007** – Литвинов П.П. Органы департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. 539 с.
- Лыкошин, 1908** – Лыкошин Н. К десятилетию Андиганской резни // *Туркестанские ведомости*. 1908. № 116. 31 мая.
- Лысенко, 2012** – Лысенко Ю.А. Религиозная политика как механизм закрепления имперских позиций России в Туркестанском крае (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2012. № 4 (20). С. 194-198.
- Лысенко, Лысенко, 2016** – Лысенко Ю.А., Лысенко М.Ф. Правовое положение мусульман центральноазиатских окраин Российской империи и «мусульманский вопрос» в системе администрирования региона (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2016. № 2(90). С. 109-116.
- Мироппиев, 1901** – Мироппиев М.А. О положении русских инородцев. СПб., 1901. 519 с.
- Мухамедов, 2015** – Мухамедов Ш.Б. Совет Туркестанского генерал-губернатора и определение тактики и стратегии в решении вакуфного вопроса в Туркестане (1887–1917): причины фиаско // *Метаморфозы истории. Альманах*. Вып. 6. 2015. С. 266-298.
- Наливкин, 1913** – Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Очерк. Ташкент: Электрич. типо-лит. «Турк. Т-ва Печатного Дела», 1913. 144 с.
- Проект..., 1885** – Проект всеподданнейшего отчета Ген.-Адъют. К.П. фон-Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского Генерал-Губернаторства. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881 г. СПб., 1885. 503 с.
- Садвакасова, 2002** – Садвакасова З. Политика русского царизма в Южном Казахстане (XIX – нач. XX вв.) // *Евразийское сообщество*. 2002. № 3. С. 85-92.
- Сафонов, 2017** – Сафонов А.А. *Государство и конфессии в позднимперской России: правовые аспекты взаимоотношений*. М.: Проспект, 2017. 352 с.
- Сенюткина, Гусева, 2018** – Сенюткина О., Гусева Ю. Дискурс о российских мусульманах в материалах Особых совещаний 1905–1914 гг. // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2018. № 4. С. 231-254.
- Терентьев, 1875** – Терентьев М.А. *Россия и Англия в Средней Азии* / М.А. Терентьев. СПб., 1875. 354 с.
- Тихомиров, 1902** – Тихомиров Л. Вероисповедный состав России. М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1902. 27 с.
- Туркестанские..., 1907** – *Туркестанские епархиальные ведомости*. № 2.
- Туркестанские..., 1908** – *Туркестанские епархиальные ведомости*. № 21.

- Туркестанские..., 1909 – *Туркестанские епархиальные ведомости*. № 1, № 10.
 Туркестанские..., 1910 – *Туркестанские епархиальные ведомости*. № 2.
 Туркестанские..., 1913 – *Туркестанские епархиальные ведомости*. № 10, № 17.
 Туркестанские..., 1917 – *Туркестанские епархиальные ведомости*. № 3.
 Центральная Азия..., 2008 – *Центральная Азия в составе Российской империи*. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.
 ЦГА РУ – Центральный государственный архив Республики Узбекистан.
 Эркинов, 2013 – Эркинов А.С. Религиозная политика Российской империи в Туркестане: «Очерк о хутбе за русского царя» Н.П. Остроумова // *Известия Уральского федерального универс. Серия: Гуманитарные науки*. Том 15. № 2 (114). С. 123-133.
 Alpyspaeva et al., 2019 – Alpyspaeva G., Zhuman G., Bagdatova S., Sayahimova S. Discussions on the Christianization of the Kazakhs of Turkestan Region (the second half of the XIXth – early XXth centuries) // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 52. Is. 2. Pp. 655-667.
 Campbell, 2015 – Campbell E. *The Muslim question and Russian imperial governance*. Bloomington: Indiana univ. press, 2015. XI. 298 p.
 Crevs, 2006 – Crevs R. For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. L., 2006. 480 p.

References

- Abashin, 2016 – Abashin, S.N. (2016). Turkestan v imperskoj politike Rossii: monografiya v dokumentax [Turkestan in the imperial politics of Russia: a monograph in documents]. М.: Izdatel'stvo «Kuchkovo pole», 800 p. [in Russian]
 Alimdzhanov, 2018 – Alimdzhanov, B.A. (2018). Recenziya na rabotu: Turkestan v imperskoj politike Rossii : monografiya v dokumentax [Review of the work: Turkestan in the imperial politics of Russia: a monograph in documents]. Otv. red. T.V. Kotyukova. *Novoe proshloe*. 4: 250-254. [in Russian]
 Alisov, 1909 – Alisov, G. (1909). Musul'manskij vopros v Rossii [The Muslim question in Russia]. *Russkaya my'sl*. 7: 29-61. [in Russian]
 Alpyspaeva et al., 2019 – Alpyspaeva, G., Zhuman, G., Bagdatova, S., Sayahimova, S. (2019). Discussions on the Christianization of the Kazakhs of Turkestan Region (the second half of the XIXth – early XXth centuries). *Bylye Gody*. 52(2): 655–667.
 Arapov, 2011 – Arapov, D.Yu. (2011). Gosudarstvennoe regulirovanie islama [State regulation of Islam]. *PaxIslamica, Mir islama*. 2(7): 68-86. [in Russian]
 Arapov, 2001 – Arapov, D.Yu. (2001). Mir islama [The world of Islam]. М., 366 p. [in Russian]
 Arapov, 2001 – Arapov, D.Yu. (2001). Islam v Rossiiskoi imperii (Zakonodatel'nye akty, opisanie, statistika) [Islam in the Russian Empire (Legislative acts, description, statistics)]. М.: Akademkniga, 261 p. [in Russian]
 AVPRI – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of the foreign policy of the Russian Empire].
 Campbell, 2015 – Campbell, E. (2015). The Muslim question and Russian imperial governance. Bloomington: Indiana univ. press. XI, 298 p.
 Dukhovskoi, 1899 – Dukhovskoi, S.M. (1899). Islam v Turkestane. Vsepoddanneishii Doklad Turkestanskogo general-gubernatora Generala ot Infanterii Dukhovskogo [Islam in Turkestan. All-Submissive Report of the Turkestan Governor-General General of Infantry Dukhovskiy]. Tashkent, 20 p. [in Russian]
 Erkinov, 2013 – Erkinov, A.S. (2013). Religioznaya politika Rossijskoj imperii v Turkestane: «Oчерk o xutbe za russkogo czarya» N. P. Ostroumova [Religious policy of the Russian Empire in Turkestan: "Essay on the Khutba for the Russian Tsar" N.P. Ostroumov]. *Izvestiya Ural'skogo federal. univers. Seriya: Gumanitarnye nauki*. T. 15. 2(114): 123-133. [in Russian]
 Geins, 1897 – Geins, A.K. (1897). Sobranie literaturnykh trudov A. K. Geinsa. [Collection of literary works of A.K. Gaines]. T. 1. Sankt-Peterburg: tipografiya M.M. Stasyulevicha. T. 1, 597 p. [in Russian]
 Gorbunova, 2008 – Gorbunova, S.V. (2008). Gosudarstvennaya reglamentatsiya religioznoi zhizni kazakhov v Rossiiskoi imperii [State regulation of the religious life of Kazakhs in the Russian Empire]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo univers*. 1: 35-41. [in Russian]
 Crevs, 2006 – Crevs, R. (2006). For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. L., 480 p.
 Grodekov, 1889 – Grodekov, N.I. (1889). Kirgizy i karakirgizy Syr-Dar'inskoi oblasti. [Kirghiz and Karakirgiz of the Syr-Darya region]. Tom. 1. Tashkent: Tipo-Litografiya S.I. Lakhtina, 298 p. [in Russian]
 Klimovich, 1936 – Klimovich, L. (1936). Islam v tsarskoj Rossii. Oчерki [Islam in Tsarist Russia. Essays]. М.: Gosudarstvennoe antireligioznoe izdatel'stvo, 225 p. [in Russian]
 Kotyukova, 2010 – Kotyukova, T.V. (2010). «Musul'manskii vopros» v Turkestane v nachale XX v. ["The Muslim question" in Turkestan at the beginning of the XX cent]. *Voprosy istorii*. 9: 97-112. [in Russian]

- Kotyukova, 2019** – *Kotyukova, T.V.* (2019). Politika «dvojnogo ignorirovaniya» v imperskom diskurse Rossii v otnoshenii kochevogo naseleniya Turkestana v kontse XIX v. (Spetsifika «musul'manskogo voprosa» i «pravoslavnogo otveta») [The policy of "double disregard" in the imperial discourse of Russia in relation to the nomadic population of Turkestan at the end of the 19th century. (Specificity of the "Muslim question" and the "Orthodox answer"). *Tsentral'naya Aziya na perekrestke evropeiskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII-XIX vv. M.: Onto Print, 328 p.* [in Russian]
- Litvinov, 2014** – *Litvinov, V.P.* (2014). Vlast' i palomnichestvo musul'man v Russkom Turkestane [Power and pilgrimage of Muslims in Russian Turkestan]. *Vlast'. 6: 88-93.* [in Russian]
- Litvinov, 1998** – *Litvinov, P.P.* (1998). Gosudarstvo i islam v Russkom Turkestane (1865-1917): po arkhivnym materialam [State and Islam in Russian Turkestan (1865-1917): based on archival materials]. *Elets: EGPI, 319 p.* [in Russian]
- Litvinov, 2007** – *Litvinov, P.P.* (2007). Organy departamenta politsii MVD v sisteme «voenno-administrativnogo» upravleniya Russkim Turkestanom [Bodies of the police department of the Ministry of Internal Affairs in the system of "military-administrative" management of Russian Turkestan]. *Elets: EGU im. I.A. Bunina, 539 p.* [in Russian]
- Lykoshin, 1908** – *Lykoshin, N.* (1908). K desyatiletiyu Andizhanskoj rezni [To the tenth anniversary of the Andijan massacre]. *Turkestanskije vedomosti. 116, may 31.* [in Russian]
- Lysenko, 2012** – *Lysenko, Yu.A.* (2012). Religioznaya politika kak mekhanizm zakrepleniya imperskikh pozitsii Rossii v Turkestanskom krae (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Religious policy as a mechanism for strengthening the imperial positions of Russia in the Turkestan Territory (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 4(20): 194-198.* [in Russian]
- Lysenko, Lysenko, 2016** – *Lysenko, Yu.A., Lysenko, M.F.* (2016). Pravovoe polozenie musul'man tsentral'no aziatskikh okrain Rossijskoj imperii i «musul'manskij vopros» v sisteme administrirovaniya regiona (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Legal Status of the Muslims in the Central Asian Suburbs of the Russian Empire and "Muslim Question" in the System of the Regional Administrating (the Second Half of the 19th – the Beginning of the 20th Century)]. *Izvestiya Altaiskogo Gosudarstvennogo universiteta. 2(90): 109-116.* [in Russian]
- Miropiev, 1901** – *Miropiev, M.A.* (1901). O polozenii russkikh inorodtsev [On the situation of Russian foreigners]. *S-Peterburg: Sinodal'naya Tipografiya, 515 p.* [in Russian]
- Mukhamedov, 2015** – *Mukhamedov, Sh.B.* (2015). Sovet turkestanskogo general-gubernatora i opredelenie taktiki i strategii v reshenii vakufnogo voprosa v Turkestane (1887–1917): prichiny fiasko [Council of the Turkestan Governor-General and the determination of tactics and strategy in solving the vakuf issue in Turkestan (1887-1917): the reasons for the fiasco]. *Metamorfozy istorii. Al'manakh. 6: 266-298.* [in Russian]
- Nalivkin, 1913** – *Nalivkin, V.P.* (1913). Tuzemtsy ran'she i teper'. Ocherk V.P. Nalivkina [The natives before and now. Essay by V.P. Nalivkin]. *Tashkent : Elektrich. tipo-lit. «Turk. T-va Pechatnago Dela», 144 p.* [in Russian]
- Proekt vsepoddanneishego otcheta..., 1885** – Proekt vsepoddanneishego otcheta Gen.-Ad'yutanta K.P. fon-Kaufmana po grazhdanskomu upravleniyu i ustroystvu v oblastiakh Turkestanskogo General-Gubernatorstva. 7 noyabrya 1867 – 25 marta 1881 g. [Draft of the all-subject report of Adjutant General K.P. von-Kaufman on civil administration and organization in the regions of the Turkestan General Government. November 7, 1867 – March 25, 1881]. *SPb., 1885, 503 p.* [in Russian]
- Sadvakasova, 2002** – *Sadvakasova, Z.* (2002). Politika russkogo tsarizma v Yuzhnom Kazakhstane (XIX–nachalo XX vv.) [The policy of Russian tsarism in South Kazakhstan (XIX-early XX centuries)]. *Evrazijskoe soobshchestvo. 3: 85-92.* [in Russian]
- Safonov, 2017** – *Safonov, A.A.* (2017). Gosudarstvo i konfessii v pozdneimperskoj Rossii: pravovye aspekty vzaimootnoshenii [State and Confessions in Late Imperial Russia: Legal Aspects of Relations]. *M.: Prospekt, 352 p.* [in Russian]
- Senyutkina, Guseva, 2018** – *Senyutkina, O., Guseva, Yu.* (2018). Diskurs o rossijskikh musul'manakh v materialakh Osobykh soveshchaniy 1905–1914 gg. [Discourse on Russian Muslims in the Materials of the Special Meetings of 1905-1914]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom. 4: 231-254.* [in Russian]
- Terent'ev, 1875** – *Terent'ev, M.A.* (1875). Rossiya i Angliya v Srednei Azii [Russia and England in Central Asia]. *SPb., 354 p.* [in Russian]
- Tikhomirov, 1902** – *Tikhomirov, L.* (1902). Verospovednyi sostav Rossii [Religious composition of Russia]. *M.: Universitetskaya tipografiya, Strastnoi bul'var, 27 p.* [in Russian]
- Turkestanskije..., 1907** – *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti* [Turkestan Diocesan Gazette], 1907, №2. [in Russian]
- Turkestanskije..., 1908** – *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti* [Turkestan Diocesan Gazette], 1908, № 21. [in Russian]
- Turkestanskije..., 1909** – *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti* [Turkestan Diocesan Gazette], 1909, № 1, № 10. [in Russian]

- [Turkestanskije..., 1910](#) – *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti* [Turkestan Diocesan Gazette], 1910, № 2. [in Russian]
- [Turkestanskije..., 1913](#) – *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti* [Turkestan Diocesan Gazette], 1913, № 10, № 17. [in Russian]
- [Turkestanskije..., 1917](#) – *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti* [Turkestan Diocesan Gazette], 1917. № 13. [in Russian]
- [Tsentral'naya Aziya..., 2008](#) – *Tsentral'naya Aziya v sostave Rossiiskoi imperii (2008)*. [Central Asia within the Russian Empire]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 464 p. [in Russian]
- [TsGA RU](#) – *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Uzbekistan* [Central State Archives of the Republic of Uzbekistan].
- [Vasil'ev, 2015](#) – *Vasil'ev, D.V.* (2015). *Musul'manskaya politika Rossiiskoi imperii v Turkestanskom i Stepnom general-gubernatorstvakh* [Muslim policy of the Russian Empire in the Turkestan and Steppe governors general]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 4(2): 117-126. [in Russian]
- [Vorob'eva, 1997](#) – *Vorob'eva, E.I.* (1997). *Vlast' i musul'manskoe dukhovenstvo v Rossiiskoi imperii (vtoraya polovina XIX v. – 1917 g.)* [Power and Muslim clergy in the Russian Empire (second half of the 19th century – 1917)]. *Istoricheskii ezhegodnik*. Pp. 40-55. [in Russian]
- [Ziyaeva, 2010](#) – *Ziyaeva, D.Kh.* (2010). *Islam v Turkestane: traditsii i transformatsii v usloviyakh kolonializma* [Islam in Turkestan: Traditions and Transformations in the Conditions of Colonialism]. *Vestnik KazNPU*. 3: 10-15. [in Russian]

Несостоявшиеся законопроекты по «мусульманскому вопросу» в степных областях и Туркестанском крае (конец XIX – начало XX вв.)

Галья Айтпаевна Алпыспаева^{a, *}, Гульмира Жуман^a, Шолпан Назарбековна Саяхимова^a, Ляззат Торебековна Джумалиева^a

^a Казахский агротехнический университет им. Сакена Сейфуллина, Нур-Султан, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается один из аспектов конфессиональной политики Российской империи в конце XIX – начале XX вв., связанный с решением «мусульманского вопроса». Политика самодержавия в отношении ислама интерпретируется в контексте анализа содержания предлагаемых чиновниками законопроектов и предложений по реорганизации управления духовной жизнью мусульман Степных областей и Туркестанского края. Анализируются причины обострения «мусульманского вопроса» в регионе под влиянием подъема общероссийского мусульманского движения, обращения мусульман с ходатайствами об изменении сложившегося в 60–90-х гг. XIX в. порядка управления их религиозной жизнью. Разработка проектов по реформированию системы управления мусульманами региона обусловлена была не столько желанием администрации края удовлетворить требования мусульман, сколько озабоченностью нежелательного влияния на духовную жизнь мусульман-казахов татар и среднеазиатских сартов. Предлагаемые проекты, имевшие главной целью установление контроля над мусульманскими общинами, в первую очередь направлены были на ослабление и устранение этого влияния. Они не выражали всей сущности конфессиональной политики самодержавия, однако отдельные положения содержали конструктивные предложения, реализация которых ослабила бы остроту вопроса. Обосновывается вывод о том, что своеобразная военно-гражданская система управления в Степных областях и Туркестанском крае, соперничество между министерствами и ведомствами за влияние в регионах, бюрократические процедуры принятия законопроектов обусловили специфику имперской конфессиональной политики в отношении мусульман и несостоятельность проектов по «мусульманскому вопросу».

Ключевые слова: государственно-конфессиональная политика, ислам, мусульманское духовенство, Российская империя, законопроекты.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: galypspaeva@mail.ru (Г.А. Алпыспаева), guliktim@mail.ru (Г. Жуман)